

В ДВИЖЕНИИ

Фрагмент сценария

Небеса. Экстерьер.

Чудным сентябрьским утром над Москвой плыл воздушный шар. Небесные струи мягко и осторожно несли шар в сторону Рублевки, над городом, позолоченным куполами и верхушками деревьев. И настроение путешественников, бывших в нем (Саша, Лиза с фотоаппаратом и лопухий пилот), соответствовало этому волшебному мгновению бабьего лета, с его прозрачностью воздуха, покоем; со светлой грустью от мимолетности этого мгновения и с тихой благодарностью к нему за то, что оно было.

Саша, по-братски приобняв Лизу за костлявые плечи, читал Пастернака.

Идет без проволочек
И тает ночь, пока
Над спящим миром летчик
Уходит в облака.

Он потонул в тумане,
Исчез в его струе,
Став крестиком на ткани
И меткой на белье.

Под ним ночные бары,
Чужие города,
Казармы, кочегары,
Вокзалы, поезда.

Всем корпусом на тучу
Ложится тень крыла.
Блуждают, сбившись в кучу,
Небесные тела.

И страшным, страшным креном
К другим каким-нибудь
Неведомым вселенным
Повернут Млечный Путь.

— Как хорошо, — сказала Лиза. — Так бы плыть и плыть. Далеко, далеко.
— Да, — сказал Саша. — Так хочется всех любить, делать что-нибудь хорошее, доброе, не сутиться, не заниматься ерундой. Ты бы хотела быть птицей?

— Хорошо бы, — мечтательно сказала Лиза. — Ласточкой.

— Как-то не так мы живем, Лизон. Если бы каждого человека, хотя бы раз в жизни прокатить на воздушном шаре, уверю тебя, на земле бы мерзостей было намного меньше.

— Подлетаем, — сказал пилот.
— Эх, Лизон, — сказал Саша. — Уплыть бы нам с тобой в волшебную страну к эльфам и феям.
— А я в детстве мечтала быть Дюймовочкой, — сказала Лиза.

— А вон бабы голые, — сказал пилот и указал где.

— Снимай, — крикнул Саша. — Что ты медлишь?!

— Высоко! — крикнула Лиза. — Черт, давай ниже! — и азартно защелкала объективом.

Шар, снижаясь, проплывал над кемпингом за высоким каменным забором, во дворе которого, у бассейна, лежали две голые длинноногие, по виду модели. Аппарат в руках Лизы щелкал, на мгновение останавливая кадры.

Модели, лежащие, томно смежив веки.
Модели, лениво их раскрывающие.
Модели, вскакивающие и с визгом бегущие к дому.

Секс-символ Миша Газизов, хозяин кемпинга, в полотенце вокруг голых бедер, за забором обнимающий сердитую девушку у машины.

Сердитая девушка, садящаяся в машину и отъезжающая.

Миша, реагирующий на визг моделей. И поднимающий вверх голову.

Миша, вбегающий во двор с возгласом «бля!» и теряющий полотенце.

— Охренел, Гурьев, — яростно закричал Миша, вскидывая кулак, и снова теряя полотенце.
— Я тебе кости переломаю, понял? Стреляй, — закричал он охраннику, высочившему из дому.
— Стреляй в этих газетчиков воночех!

— Стреляй, стреляй, — продолжая снимать, закричала Лиза охраннику. — Тебя посадят, а ему ничего не будет.

— Стреляй, я тебе сказал, — закричал Миша. — Это частные владения.

— А воздух у нас, Миша, пока не частные владения, — закричал Саша. — Воздух у нас пока еще общенародное достояние. Где хотим — там летаем!

Шар медленно поднимался ввысь и уплывал от этих мучающих внизу фигурок и их бессмысленных выкриков.

Пресс-фуришет. Интерьер.

Павильон или интерьер выставочного зала. Вверх по канату ползла циркачка.

Достигнув его конца, что был закреплен за

одну из железных балок купола павильона, она стала жонглировать кеглями.

По павильону праздно ходили гости и ели. Некоторые, задрав голову, смотрели на циркачку.

Лиза, щелкнув циркачку, закружила на месте, а потом нацелилась объективом на группку беседующих.

— Слушай, иди отсюда, — раздраженно сказала из группки.

Еще по павильону ходили официанты с закусками и девушки, что раздавали иллюстрированный журнал.

Владелец журнала стоял рядом с Сашей и, похаживая, читал рукописное Сашино интервью.

Саша довольно косился.
С другой стороны от него стоял официант, и что-то шептал на ухо.

— Где? — спросил Саша. — Хорошо. Я подойду. Ну, как интервью? — спросил он владельца.

— Смело, — хмыкнув, сказал владелец, — дай дочитать.

Затем, скучая, подошла Лиза и стала смотреть на циркачку.

— Слушай, а если она грохнется, кто кому будет неустойку платить?

Ей не ответили.
Вздохнув, Лиза удалилась.

— Потрясающе, — дочитав интервью, сказал владелец журнала. — Давно не читал таких откровений.

— Ну, не то чтобы, — скромно, сказал Саша. — Как тебе это удалось?

— По телефону. Вчера позвонил, оказался очень скромный, демократичный мужик и большой оптимист, несмотря на возраст.

— Он умер полгода назад.

— Да, — помолчав, сказал Саша. — Ты уверен?

— На Ваганьковском лежит. Странно, что он тебе этого не сказал.

— Ну, ладно, не суть важно, — сказал Саша. — Главное, что я точно передал ход его мыслей.

Будь старик жив, он подписался бы под каждым моим словом.

— Ну ты, Гурьев, аферист, — сказал владелец.

— Ну так, ты берешь, или я в «Матадор» отнесу?

— Сколько? — спросил владелец.

Саша показал на пальцах и двинулся к выходу.

— Сколько?!

— А ты думал легко с покойником разговаривать?

В павильоне вместо циркачки теперь пел юный хрупкий юноша. Он пел о мальчиках и девочках, но ему мешал канат, который остался после циркачки, и он нервно отстранял его рукой.

Седовласый продюсер Гоша, что был невдалеке, проводил Сашу взглядом мрачным и полным ненависти.

На выходе из павильона Саше встретился с молодой певицей Леной Зориной. Та, холодно кивнув, прошла мимо. Саша смотрел ей вслед. Подошла Лиза, жуя бутерброд, и тоже стала смотреть ей вслед. Потом они посмотрели друг на друга.

— Бутерброды дерьмо, и презентация дерьмо, — сказала Лиза. — Слушай, давай в «Балчуг» съездим.

— А там что? — рассеянно сказал Саша.

— Там Дворянское собрание гуляет. Наверняка кому-нибудь морду набьют.

— Я сейчас вернусь, — сказал Саша.

Саша спустился по темной лестнице к туалету. У лестничного пролета курил парень крепкого вида.

Саша вошел в туалет.

Присев на подоконник, там курил еще один парень крепкого вида.

— Это вы меня искали? — спросил Саша.

— А ты Гурьев? — спросил тот.

— Я, — сказал Саша. — А в чем дело?

Парень встал.

В туалет вошел второй парень.

— Понятно, — оглянувшись, сказал Саша. — Ребята, а может, просто поговорим?

Когда один из гостей, насвистывая, тоже спустился по темной лестнице и открыл дверь туалета, Сашу молча и профессионально били, прижав в угол.

Гость быстро захлопнул дверь и остался снарядом.

— Ну, ладно, пока хватит, — сказал один из парней.

Но все же еще немного попинали.

— Ребята, — хрипло с полу сказал Саша. — А вы вообще от кого были?

Парни вышли и прошли мимо гостя, стоящего у стены.

Тот, еще немного выждав, вошел в туалет.

Саша у умывальника, задрав вверх голову, пытался остановить кровь из носа.

— Ну, как живет продажная пресса? — ехидно спросил гость, проходя в кабинку.

— Продаемся помаленьку, — рассеянно сказал Саша.

У здания павильона. Экстерьер.

Саша вышел на улицу.

У здания стояла Лена Зорина и крутила в руках сигарету.

— Скучно, — сказала Лена.

Саша щелкнул зажигалкой. Лена прикурила.

— Сегодня думал о тебе целое утро, — сказал Саша.

— Странно, — сказала Лена.

— Сам не знаю почему, думал и думал.

— Да, к чему бы это, — сказала Лена.

— Ты здесь с папой? — спросил Саша.

— Нет, с Рогозиным. Папа ему музыку заказал.

Рогозин ждал в открытой машине на другой стороне улицы и нетерпеливо барабанил пальцами по сидению.

— Ты такая милая и непосредственная, — сказал Саша. — Мне будет очень обидно, если тебя испортят.

— Кто? Он?

— Нет. Жизнь. Она как наркотик. Поначалу легко и приятно, но главное, вовремя соскочить.

— А ты успеешь?

— Я мудрый, как змей.

— Ох, какая скука. Все болтают и болтают.

Мимо, верхом на лошади, проплыла юная наездница.

— Давай, прокатимся, — сказал Саша. — Эй, девочка, — окликнул он, — ты куда едешь?

— В конюшню, — сказала та.

— Прокатишь нас?

— Я никуда не поеду, — удивленно сказала Лена. — С чего ты взял.

— Только до конюшни, — сказал Саша. — Девочка, сто долларов хватит?

— За сто я вас могу всю ночь катать, — сказала наездница.

У нее были длинные, пущенные свободно, волосы.

Рогозин из машины изумленно наблюдал, как наездница прыгнула с лошади, как хихикнувшую Лену подсадили на лошадь, как следом забрался Саша, и ведомая наездницей, лошадь двинулась вперед.

Рогозин просигналил, лихорадочно завел машину, развернулся и поехал следом.

— Ты меня украл? — возбужденно сказала Лена.

— Таков обычай, — с характерным акцентом подтвердил Саша.

— Эй, Лена! — крикнул Рогозин. — Ты куда?

— Может, у тебя с ним роман? — спросил Саша.

— У него на меня нет никаких прав, — возмущенно сказала Лена. — Просто есть такие люди, им палец протянешь, а они у тебя руку оттяпывают.

Рогозин поравнялся с ними и просигналил.

— Слушай, Рогозин, — возмущенно сказала Лена. — Я устала. Мне надо хоть иногда отдыхать?

— А запись? — растерянно сказал Рогозин.

— Отстань, — резко сказала Лена.

Саша соболезнующе развел руками и чуть не упал.

— Держись крепче, — хихикнув, сказала Лена.

— Пока не решаюсь, — шепнул Саша.

— Болтун, — сказала Лена.

Она оглянулась, Рогозин отстал.

— Бедный, — сказала Лена.

В это мгновение их лица с Сашей были совсем близко.

— А ты, между прочим, мне так и не позвонил, — отвернувшись, сказала Лена. — После моего концерта в клубе. Или забыл?

— Нет, — сказал Саша. — Я не решился. А ты

действительно ждала?

Лена неопределенно пожала плечами.

— На самом деле я еще не знаю, хочу ли быть профессиональной певицей, — сказала она. — Папа считает, что у меня большой талант к рисованию.

Навстречу, просигналив, пронеслись машины. Движение было оживленным.

— Думают, что мы сумасшедшие, — сказала Лена.

— Или влюбленные, — сказал Саша.

— Болтун, — сказала Лена.

— Девочка, мой тебе совет, никогда не имей дела с болтливыми мужчинами.

Наездница стеснительно улыбнулась.

— А я вас знаю, — сказала она. — Вы певица Лена Зорина, а вы были в «Акулах пера».

— Нет, все-таки человек должен жить рядом с лошадью, это облагораживает, — сказал Саша.

— А еще это очень полезно для здоровья, — сказала наездница. — Лошадьми лечат даже шизофреников и умственно отсталых.

— Да? — сказал Саша.

— Это называется ипотерапия. Температура тела у лошади выше, чем у человека. И положительно воздействует на его мышцы и эмоциональное состояние психики.

Конюшня. Интерьер.

Тускло горела дежурная лампочка. Втроем они неторопливо шли вдоль стоил. Лошади всхрапывали, под ногами хрустело сено.

— А кто их охраняет? — спросила Лена.

— Сторож, — сказала наездница. — У него здесь домик. Можно попроситься чай пить.

Лена протянула руку, и лошадь мягко коснулась ее губами.

— Можно, я как-нибудь приеду, порисую твоих лошадей.

— Конечно, — сказала наездница, — только мы скоро уезжаем в экологический лагерь «Нить жизни». Здесь, под Москвой. Будем катать там больных детей.

— Это очень интересно, про это надо обязательно написать, — сказал Саша. — Послушай, — остановив наездницу, тихо сказал он. — Ты не могла бы сбежать в киоск? Купишь чего-нибудь сладкого и бутылку коньяка. А потом я возьму у тебя интервью, о том, что ты говорила.

— А какой коньяк? — смущенно сказала та.

— Все равно, — сказал Саша. — Самый дорогой.

Подожди, как тебя зовут?

— Аня.

— В школе учишься?

— В десятый перешла.

— Если тебе коротко подстричь волосы, ты будешь похожа на Катю Зайцигер, даже лучше. А это самая красивая манекенщица.

— Я быстро, — смущенно сказала Аня и побежала к выходу.

Саша обернулся. Конюшня была пуста.

— Лена, — сказал он. — Эй, ты где? — Он торопливо зашагал вперед, заглядывая в стойла.

Лена, раскинув руки, лежала в пустом стойле, на ворохе соломы.

— Испугался? — спросила она. — Иди сюда.

— Она сейчас вернется, — неуверенно сказал Саша.

Лена улыбнулась и потянула его к себе.

Лошадь по соседству заглянула через деревянную перегородку вниз, на тесное сплетение двух тел, и диковато сверкнула на них глазом.

Во дворе у конюшни. Экстерьер.

Было раннее мурое утро. Наездница Аня с коньяком и конфетами дремала, сидя на корточках у стены конюшни.

Скрипнули ворота, откуда вышли двое, болезненно жмурясь от света, и двинулись прочь.

Платье у Лены было мятым, она зябко ежилась, и с недовольным лицом, вытаскивала из волос солому.

Аня встала.

— А коньяк? — несмело спросила она.

— Потом, — рассеянно оглянувшись, сказал Саша. — Отдай сторожу.

У подъезда Сашиного дома. Экстерьер.

У подъезда стоял милицкий «уазик». И чуть поодаль карета Скорой помощи.

Саша, оглянувшись на это, вошел в дом.

Подъезд дома. Интерьер.

Саша нервно потыкал кнопку лифта, а потом быстро побежал вверх по лестнице, доставая на ходу ключи. Суетливо звеня ими, он открыл дверь.

Квартира Саши. Интерьер.

Вера в халате сидела на кухне, и нервно курила.

— Уф, — облегченно сказал Саша. — Я думал, с тобой что-то случилось.

— Где ты был всю ночь?

— Ну, перестань, Вера, — ласково сказал Саша.

— Ты же знаешь, я работал.

Из комнаты вышел человек с кобурой и в камуфляжной форме.

— А позвонить ты не мог? — сказала Вера.

— Я звонил, — сказал Саша. — Что-то с линией.

А это кто?

— Это судебный пристав, — мстительно сказала Вера. И прошла мимо них в комнаты.

— Поедем, Гурьев, — сказал пристав.

— Куда? — спросил Саша.

— В суд. Вам уже пять повесток прислали.

— Слушай, — сказал Саша. — Давай, завтра, а?

— Охренел? — сказал пристав.

Вера, бесцельно выйдя, пошла к кухне, а затем метнулась к Саше и попыталась его ударить.

— Ну, почему ты меня мучаешь, ну почему?! — крикнула она. — Что я тебе сделала?! Чем я это заслужила!

— Выйди, а? — сказал Саша приставу, держа Вери за руки. — Ты что не видишь, здесь интимный разговор.

— Если я тебе не нужна, я уйду, — крикнула Вера. — Это не жизнь, я не могу делить тебя с твоими бабами!

— Успокойся, — сказал Саша и тряхнул ее. — Какие бабы? Это моя работа.

— Поехали, Гурьев, — сказал пристав.

— А переодеться я могу? Ты что не видишь в каком я виде?

— Суду это без разницы, — сказал пристав.

— Где ты был? — сказала Вера. — Посмотри мне в глаза.

— Хорошо, — сказал Саша приставу. — А умыться я могу, я сутки работал.

— Я хочу, чтобы ты посмотрел мне в глаза. — Сказала Вера.

— Вера, ну ради бога, ну что ты там увидишь. — Саша вошел в ванную и заперся изнутри.

— Я сейчас силу применю, — сказал пристав.

Саша пустил воду из крана, мгновение посидел на краю ванны, а затем по телефону, что стоял на полу, набрал номер.

— Алле, — сонно сказал голос Лены Зориной.

— Лена, — тихо сказал Саша. — Это была замечательная ночь. Я ее никогда не забуду. Ты слышишь?

— Я сплю, — сонно сказала Лена. — Извини. — И повесила трубку.

Двор у зала суда. Экстерьер.

Саша вышел из здания.

— Улыбочка, — сказала Лиза, сверкнув вспышкой фотоаппарата.

— Перестань, — раздраженно сказал Саша, прикрываясь рукой. — Отстань, я тебе сказал. Тысячу минимальных зарплат, — он нервно закурил.

— Кто кого? — спросила Лиза.

— Футбол, что ли? Шуточки? Они пять хотели, еле отбились. Нет, ты представляешь, этот маленький педераст, сам меня напел, плакал у меня на груди, что Гоша его совращает, приучает к наркотикам, бил на гастролях, а теперь от всего отказывается. Тысячу минимальных зарплат, это сколько?

— Тысяч сто баксов.

— С ума сойти, сволочь!

Дверь суда открылась, оттуда вышли продюсер Гоша и тот самый невеселый хрупкий юноша-певец. Он был испуган.

Не глядя на Сашу, они в окружении сопровождающих направились к длинному лимузину.

— Славик, Славочка, стой, — сказал Саша певцу и пошел за ними. — Куда ты от меня бежишь? Ты же мне клялся, сволочь, я тебя считал человеком чести, нельзя так людей подводить. У тебя твой голосок пропадет. Они из тебя, дурачок, всю кровь выпьют.

Певец мучительно оглянулся, но его сунули в машину.

Саша рванулся следом, его удержали.

— А ты, Гоша, тебе не стыдно, пацану 17 лет.

— Мне не стыдно, — закричал Гоша, и тоже стал рваться к Саше. — Ах ты, подонок, фразер, у меня после твоей статьи жена с сердцем в больницу слегла, я тебя в пыль сотру, понял, ты у меня своей смертью не умрешь, сука!

— Вы все слышали, — закричал Саша, пытаясь освободиться. — Лиза, будьешь свидетельницей. У меня диктофон в кармане. А ну-ка, повтори! А ну, давай, повтори!

Сашу оттолкнули, лимузин тронулся.

В машине Лизы. Улицы Москвы. Экстерьер.

Саша продолжал бушевать уже по телефону.

— Зачем мне зам? Мне адвокат нужен. Дай мне своего главного редактора... Плевать. Кто вам тираж делает... Всем плевать, — сказал он Лизе. — Ну ты представляешь?! Але, да, что? Пусть сам к черту идет. — Саша отключился.

Лиза покосилась в зеркальце.

— А ты что, — сказал Саша, — дура такая?! Ты посмотри на себя, институт бросила, гоняешься за какими-то гольими задницами. Ты только подумай, чем ты занимаешься, от тебя люди шарахаются. Вместо того, чтобы создать семью, жить нормальной человеческой жизнью, быть женщиной, шастаешь по каким-то подворот-

ням, путаешься неизвестно с кем?! Кто он вообще такой, твой Митягин? Где ты его взяла?

— Он инженер-экономист.

— Какой экономист, что ты несешь? Живет в номере за полтора куса в сутки. Да у него на лице написано, что он человек пять убил, не меньше. Тебе сколько лет?

— Двадцать два.

— А выглядишь, как драная школьница.

— Ага, — сказала Лиза. — Митягин тоже говорит, что когда со мной спать ложится, у него чувство, будто под статью идет.

— Нет, ты чудовище, — сказал Саша. — Забудь мой номер телефона, мой адрес, не хочу иметь с тобой никаких дел.

Машина, взвизгнув тормозами, остановилась у здания детского сада.

— Брата забереешь, ладно? — сказала Лиза. — Я пока заправлюсь.

Саша помолчал, и вышел из машины.

Двор детского сада. Экстерьер.

У песочницы играли дети с воспитательницей. Завидев Сашу, дети играть перестали.

— Здравствуйте, — хмуро сказал Саша. — Я хочу тезку забрать.

— Вы знаете, Саша, он заснул после завтрака.

— Обеспокоенно сказала воспитательница.

— Был какой-то уставший, вялый. Разбудить?

Саша кивнул, и с опаской покосился на детей. Воспитательница прошла в здание.

Дети подтягивались к Саше и выжидающе молчали.

— Дед Мороз пришел, — несмело сказал кто-то.

— Я тебе дам Дед Мороз, — с угрозой сказал Саша. — Лучшие забудьте об этом.

— Он не будится, — выйдя, сказала воспитательница.

Спальня детского сада. Интерьер.

Саша, мальчик лет пяти, спал сладким крепким сном.

— Саня, Санек, — Саша потрепал его по плечу.

— Ладно, пусть спит, я его так одену, а то крику будет.

Воспитательница вышла.

Саша, сопя, стал одевать мальчика, путаясь в его одежде.

А позади них тихо возникла девочка и стала терпеливо ждать.

— Иди отсюда, соплячка, — с угрозой сказал Саша.

— А вы в прошлый раз всем дали, а мне нет, — сказала девочка.

— Что-то ты гонишь, — подозрительно сказал Саша.

— Что? — вежливо сказала девочка, — извините я не поняла.

— Не поняла она, — сказал Саша. Он взвалил маленького Саньку на плечо, и, пошарив в карманах, дал девочке 10 долларов. — Это между нами, — сказал он. — А то больше не получишь.

— Могила, — сказала девочка и убежала.

Дорога от детского сада к Лизиной машине. Экстерьер.

По дороге к машине Санек на мгновение проснулся.

— А где моя мама? — спросил он.

— На даче твоя мама, — сказал Саша.

— А куда мы едем?

— К любовнику твоей чертовой сестры, — сказал Саша.

— А, — сказал Санек, — я думал, на презентацию, — и снова уснул.

Гостиничный номер Митягина. Интерьер.

Лиза в ванной, превращенной в лабораторию, проявляла фотографии, сделанные с воздушного шара.

Саша виртуозно печатал на ноутбуке и одновременно говорил с Верой по телефону. Рядом на кожаном диване спал Санек маленький.

— Будем опротестовывать, — сказал Саша. — Не волнуйся, Вера, мало у нас, что ли, судов было. Хорошо, буду звонить тебе каждый час. Вера, дорогая, я с Лизой. Ну, Лизе ты доверяешь? Тогда целую... Я тебя тоже.

На кухне свистел чайник.

— Лизка, — крикнул Саша. — Чайник взлетит.

Лиза стремительно пронеслась на кухню.

— Получается гениально, — возбужденно сказала она оттуда. — Просто трогательная семейная сцена. К секс-символу какая-то неизвестная баба нагрязнула и застала у него других баб. — Она понесла к Саше чай и бутерброды. — Название придумал?

Ага, — сказал Саша, продолжая печатать. — "Отсель грозить мы будем шведам".

— Почему шведам? — грызя бутерброд, сказала Лиза.

— Миша недавно на Би-Би-Си русского царя играл. Поняла?

— Не-а.

— Ну ладно, для тебя это слишком концептуально.

— Ты что, думаешь, я совсем дура?

— Слушай, Лизон, — приглядываясь, сказал Саша. — А ты как-то очень похорошела.

— Раньше надо было думать, — сказала Лиза и умчалась в лабораторию.

Саша устало потер виски, прошелся по номеру и рассеянно полистал большой красочный календарь.

— М-да, — сказал Саша. — Лиза, посоветуй, что Вере на день рождения подарить?

— Пару хороших объективов, — сказала Лиза.

— А по-человечески? — сказал Саша.

Маленький Санек во сне застонал и заворочался.

— А чем ты так брата замучила? — спросил Саша.

— А ты ночью Утенка Дональда серий двадцать подряд посмотри.

— Теряем поколение, — сказал Саша. — Надо русские мультфильмы смотреть. Добрые, поэтические. Я на них, между прочим, вырос. У-у, манкурт. Сейчас пойду, ему наши кассеты куплю.

Саша, кряхтя, стоял под холодным душем. Дверь в душ тихонько отворилась и вошел маленький Санек. Он молча и сонно похлопал глазами.

— Проснулся, тезка, — сказал Саша. — Давай, залезай.

Санек протянул руку к воде и одернул.

— Не, холодно, — сказал он.

— Ты смотрел "Титаник", — спросил Саша.

— Два раза.

— Помнишь, как там все в холодной воде гибнут?

— Помню.

— Потому что не закалялись. А мы будем закаляться и не погибнем.

— Не, я лучше в другой раз, — сказал Санек и стал отступать.

— А они там до айсберга тоже все говорили "в другой раз, в другой раз". — Саша брызнул на Саньку водой и попытался схватить.

Санек побежал.

Саша, накинув халат, побежал следом.

— Лизка, — испуганно закричал Санек, — спаси меня, я маме скажу.

Из ванной-лаборатории выглянула Лиза.

— Лови манкурта, — закричал Саша, бегая за Саньком.

— Ну дураки, — сказала Лиза и тоже стала бегать.

Позже к вечеру в номер вошел его хозяин Митягин, мужчина лет сорока пяти, с волевым неподвижным лицом отставного боксера.

Работало видео. Телевизор показывал русский мультфильм "Винни Пух". Под шумелки веселого медвежонка в креслах у телевизора спали Лиза, в банном халате, обмотав мокрую голову полотенцем, и Саша в банном халате, оба закинув босые ноги на один и тот же пуфик.

Митягин осторожно поставил перевернутую вазу и пошел в ванну-лабораторию, где горел свет.

В ванной маленький Санек, забравшись на стул, разглядывал фотографии Миши Газизова, которые сушились, прицепленными к веревке.

Санек оглянулся.

Митягин по-приятельски ему подмигнул и тоже стал разглядывать фото.

Телестудия. Интерьер.

Саша и телеведущий Вован сидели в зале небольшой студии, а перед ними на сцене появля-

лись девушки под номерками и произносили одинаковый текст под одинаковым именем, с одинаковыми для такого случая интонациями:

— Приветик, мальчики и девочки! Я Ева. Сегодня я ваша, одна и всю ночь. Мой пейджер настроен на вашу волну, и нас ждет хорошая музыка, самые-самые горячие поп-новости и самое тесное общение со мной, насколько это можно представить.

— Послушай, — после третьей Евы сказал Вован, — или у меня что-то с ухом, или они все шепелявят.

— Да какая разница, — сказал Саша, — кто их будет слушать. А почему они все Евы?

— Ева, — сказал Вован, — мне нравится, в этом что-то есть.

— Жену так у Гитлера звали, — сказал Саша.

— Да? — сказал Вован. — А может, это придаст некий смысл?

— Ладно, — сказал Саша. — Пошел. Не могу больше это слышать.

— Ну, спасибо, — сказал Вован, — помог вы-брать.

— У меня сегодня семейный ужин, — сказал Саша. — Надо еще Вере подарок выбрать.

— Ты что, не поедешь? — удивился Вован. — Ты же так хотел?! Эй, — крикнул он к сцене. — Что ты делаешь?! Зачем ты раздвещаешься? Уведите ее отсюда! Кто ее привел?.. Жалко, а я уже с Мега-банком договорился, что тебя пропустят.

— Понимаешь, мы так редко бываем вместе. Она скучает, куда без меня не ходит. И не провести с ней ее день рождения, с моей стороны было бы вообще свинство.

— Ну да, ну да, — сказал Вован. — Кто привел эту сумасшедшую? Откуда она взялась?! — закричал он к сцене.

Фешенебельная гостиница. Интерьер.

Саша с роскошным букетом цветов и Вован в смокинге быстро двигались по длинному гостиничному коридору. Они остановились у дверей, за которыми звучал классический рояль.

— Учи, — сказал Вован. — Она гордость мировой культуры.

Саша кивнул.

Они вошли.

В номере было многолюдно. Он состоял из нескольких больших комнат, в одной из них играла на рояле аккомпаниаторша, кругленькая и плотная, как бобер. Бродили и сидели в креслах представители корейского посольства и русского Мега-банка.

Саша, несколько скованно, стоял у входа с цветами.

Вован, бросив его, разговаривал у балкона с хрупкой как статуэтка корейкой в вечернем платье, с бриллиантовым колье на шее. Ему переводил маленький кореец-переводчик. Невдалеке угрюмо стоял квадратный кореец с полированной лысиной.

К Саше подошел представитель Мега-банка, точная русская копия лысого корейца.

— Ты Вовин друг? — подозрительно сказал представитель.

— Ага, — сказал Саша.

— Журналист?

— Угу.

— Вова сказал, что ты модный.

— Можете не сомневаться, меня все знают.

— Мы тебя хорошо накормим, — сказал представитель. — У нас есть планы прокатить ее по Москве, немножко развлечь. А ты потом это осветишь.

— У меня есть хороший фотограф. — Сказал Саша.

— Она не любит фотографов, — сказал представитель. — Сама по себе она не плохая, но ее агент ужасный жлоб, — он кивнул в сторону лысого корейца. — Знаешь, во сколько нам обошлась организация ее концерта?

— Во сколько?

— Не могу сказать. Но чего не сделаешь ради имиджа, правильно?

Вова, что-то говоря корейке, кивнул на Сашу. Та приветливо ему улыбнулась.

Саша закивал и заулыбался в ответ.

— А ты вообще в опере разбираешься? — подозрительно спросил представитель.

— Я на ней собаку съел, — продолжая улыбаться корейке, сказал Саша.

Вова отошел в сторону и поманил Сашу пальцем.

— Она не любит журналистов, — краешком губ, процедил Вова. — Я ей сказал, что ты наш городской сумасшедший. Подбираешь бездомных зверушек, организуешь для них приюты, ну, типа того. Она на этих приютах сдвинута. У нее с десятком по всему миру.

Корейка улыбнулась Саше.

Тот снова мелко закивал.

— Она удивительная, — сказал он.

— У тебя что, кореек не было? — спросил Вован.

— Да при чем здесь это, — сказал Саша. — Она же совсем другая. Она как птица.